

Презентация альбома: Студенты Петровского университета / отв. ред. И. Л. Тихонов, Т. В. Костина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022.

Авторы и составители: д-р. ист. наук И. Л. Тихонов (СПбГУ), канд. ист. наук Т. В. Костина (СПБНИИ РАН), канд. ист. наук Д. В. Боднарчук (СПбГУ), канд. филол. наук К. Б. Егорова (СПбГУ), канд. ист. наук Т. Н. Жуковская (СПБНИИ РАН), С. А. Курылев (СПбГУ), д-р. ист. наук Е. А. Ростовцев (СПбГУ).

Выступающие: И.Л. Тихонов, Т.В. Костина, Т.Н. Жуковская.

Тезисы

Петр I уделял особое внимание созданию учебных заведений, поскольку только с их развитием можно было преодолеть зависимость от иностранных специалистов и подготовить свои национальные кадры. В XVI–XVII столетиях процесс развития высшей школы охватил Восточную Европу, причем тут нередко учебные заведения получали наименование академий. Академиями назывались Прусский университет в Кенигсберге (1544), Острожская славяно-греко-латинская школа (1576), в 1578 г. в Академию был преобразован Виленский коллегиум, в 1632 г. основана Академия Густавиана в Дерпте (Тарту), в 1640 г. открыта Академия Або в Турку. В России к концу XVII столетия действовали только два учебных заведения, уровень преподавания в которых более-менее соответствовал европейским университетам: Могиланская академия в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве. Оба этих учебных заведения являлись структурами православной церкви и давали образование с ярко выраженным гуманитарным уклоном.

В начале XVIII в. идеи создания учебных и научных центров, свободных от опеки церкви, появляются и начинают реализовываться в России. В январе 1724 г. был обсужден и собственноручно поправлен императором Петром I подготовленный Л. Л. Блюментростом и И. Д. Шумахером Проект об учреждении в Петербурге Академии. 28 января 1724 г. он был утвержден указом Сената, приобретя, таким образом, статус закона. Проект предписывал, что приглашаемые в Россию «академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как в протчих университетах». Таким образом, Академия стала единым научно-учебным комплексом, одновременно выполняя функции и учебных заведений – Университета и Гимназии. Подчеркивая этот симбиоз, в феврале 1724 г. Блюментрост прямо писал немецкому философу Христиану Вольфу: «Это не полный (совершенный) университет, а также и не Академия наук, а скорее некая композиция из того и другого».

С середины 1725 г. в Петербург стали прибывать академики, и 14 января 1726 г. было напечатано первое объявление о лекциях. На протяжении XVIII в. статус университета при Академии менялся. С 1748 по 1767 гг. университет существовал в виде отдельного, самого важного (это видно по отчетам и зарплатным ведомостям) подразделения Академии наук. Затем почти все студенты были отправлены в Физические экспедиции. В Петербурге лекции возобновились в 1773 г. Отдельно университета из студентов уже не составлялось; по неутвержденному, но введенному в действие плану В.Г. Орлова он был слит с Гимназией в единое Училище Академии. Однако подготовка в нем студентов по университетской программе продолжалась до 1805 г. Статус этих студентов признавался Сенатом, они получали аттестаты и привилегии по службе, аналогичные студентам Московского университета.

На протяжении всего XVIII в. с перерывами печатались объявления о лекциях. Они публиковались от имени Академии наук и профессоров Академии наук. Отдельными листами выходили в 1726, 1732, 1734, 1738, 1742, 1748, 1757, 1761–1763, 1765, 1766 гг.; публиковались также в Санкт-Петербургских ведомостях.

Для того чтобы слушать бесплатные лекции в Академическом университете, необходимо было иметь основательную подготовку в латинском языке и других дисциплинах, жить в столице и не быть слишком обремененным служебными обязанностями и поиском средств пропитания. Если такие люди появлялись в Петербурге, они были очень востребованы на военной и гражданской службе, в качестве секретарей вельмож и частных учителей. Неудивительно, что в XVIII в. число студентов было очень скромным. В университетской аудитории задерживались, как правило, те, кому действительно необходимо было усвоить курсы высших наук: молодые сотрудники Академии наук, надеявшиеся со временем стать адъюнктами, дворянские недоросли, желающие лучше подготовиться к поступлению в европейские университеты; врачи, находящиеся на военной службе и т. д.

Матрикулы не велись. Однако сохранилось множество списков студентов, создаваемых «по случаю». Например, 27 августа 1727 г. Академия отчиталась, что «при профессорах обретаются» следующие студенты: «1. Филипп Анахин. 2. Иоганн Дитерикус Шилинг, иноземец. 3. Антиох Кантемир, светлейший князь Волоцкий. 4. Василий Яворский. 5. Мельхиор Фридрих Фаренгейд, прусской нации. 6. Готфрид Пашка. 7. Овенс Гольсалиус. 8. Паниота Кондоида, грек. 9. Василий Ададунов. 10. Денис Надорзинский. 11. Петер Александр Фельтин. 12. Мюкс, иноземец».

Главной проблемой при составлении словника Альбома стала дифференциация тех, кто характеризовался в источниках как «студент». Среди них были и подающие прошения в Академию студенты европейских университетов, и те, кто находился при Академии как сотрудник, имеющий

студенческий должностной оклад жалованья, обозначенный Петром I в Проекте. Основным критерием стали прослушанные студентом лекции. Среди 93 студентов, чьи биографии помещены в альбом, только Н.Н. Мотонис и Г.В. Козицкий лекций не слушали, но учились на деньги Петербургской Академии наук в Лейпциге и по возвращении в Петербург аттестовывались профессорами Академии. Остальные слушали вполне конкретные курсы лекций у профессоров Академии. И таких студентов на данный момент выявлено около 300. При этом уже за 1725–1732 гг. насчитывается не менее полусотни студентов, слушавших лекции профессоров. Для сравнения можно указать, что численность студентов в Московском университете за первые шесть лет его существования в 1755–1761 гг. составила 97 человек, но это было тремя десятилетиями позднее, когда заметно увеличилось количество средних учебных заведений, выпускники которых получали возможность поступать в университеты.

На презентации будут показаны не только некоторые персоналии, биографии которых были существенно дополнены в ходе составления Альбома, но и раскрыты проблемы, с которыми его авторы сталкивались в работе. Они касаются архивной эвристики, установления подлинности портретов, визуального представления сложного с этой точки зрения «русского» XVIII в.